

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/59/14

С.Ю. Суханова, П.А. Цыпилёва

РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ В ПОЭЗИИ С. СТРАТАНОВСКОГО

Исследуется рецепция философского наследия Г. Сковороды в поэзии С. Стратановского. Цель статьи – выявить причины обращения современного поэта к личности и творчеству философа XVIII в. В анализируемых поэтических текстах находят воплощение основные идеи философии Г. Сковороды, в сопоставлении с хасидизмом подчеркивается глубина и всеобъемлющий характер его философского учения, выстраивается полемический диалог С. Стратановского с Г. Сковородой о природе истины и возможности ее познания.

Ключевые слова: современная русская поэзия, рецепция, постмодернизм, Сергей Стратановский, Григорий Сковорода, славянская философия, символическая реальность, хасидизм.

В 1970-е гг. на квартире поэта Сергея Стратановского действовал религиозно-философский кружок, на раннем этапе существования которого участники изучали тексты Платона и христианство первых веков и Отцов Церкви и позже – русскую религиозную философию. Семинар постепенно трансформировался из просветительского в проблемный, в 1976 г. состоялись две конференции: «Христианство и этика» и «Христианство и гуманизм», работа вылилась в активный межконфессиональный диалог, участниками которого были кришнаиты, баптисты, иудаисты, хасиды, с докладами о «диалектической теологии», К. Барте и П. Тиллихе, С. Кьеркегоре, М. Хайдеггере выступала Татьяна Горичева, по замечанию С. Стратановского, «единственный профессиональный философ» в их среде [1].

В этом контексте важно рассмотреть стихотворение С. Стратановского «Бог» (1968–1972), в котором поэтом предлагается однозначная трактовка божественной сущности как имеющей власть над человеком пустоты («А Бог – не призрак золотой / Не зверь, не звездный жар / Он только голый шар / Бесполой и пустой» [2. С. 6]), а предназначение поэта и природа писательского таланта рассматриваются как предначертанная свыше необходимость и неизбежность. В более позднем стихотворении С. Стратановского «Диспут» (1979) поэт конструирует межконфессиональный диалог, создает пеструю мозаику философских и религиозных идей и представлений о сущности и форме божественного, выстраивает полилог, участниками которого выступают мистики, математик, колхозник, богословы, хасид, моралист, имморалист, гуманист, алкоголик, культуртрегер, скептик, просто верующий. Поэт конструирует на первый взгляд концептуально эклектичный текст, однако это не эклектика, а сознательное стал-

кивание контрастирующих позиций в условиях отсутствия возможности найти общий мировоззренческий знаменатель, или истину.

Мысль о невозможности достижения истины при одновременном желании ее поиска сформулирована в завершающих словах председательствующего: «Увы, нам истина не светит / Она пугливей, чем испуг / И как библейский скорбный ветер / Спор возвращается на круг» [2. С. 102]. Так, выраженная в более раннем стихотворении «Бог» мысль о предопределенности свыше судьбы поэта, позже намеченная в стихотворении «Диспут» интенция к поиску истины, а также рефлексия над образами странников (Григорий Сковорода¹ и хасиды) формируют тему творческого пути поэта как паломничества. В трёх из анализируемых в статье стихотворениях присутствуют отсылки к личности либо текстам Григория Сковороды: «Григорию Сковороде / Господню Старчику...», «Диспут» (1979), «Диалог о грехе между старчиком Григорием Сковородой и обезьяной Пишек» (1979).

В стихотворении «Диалог о грехе между старчиком Григорием Сковородой и обезьяной Пишек» (февраль 1979 г.) иронически интерпретируется диалог Г. Сковороды «Благодарный Еродий», очевидны реминисценции и из других произведений философа («Разговор, называемый алфавит, или Букварь мира» и, возможно, из басни «Навоз и Алмаз»). Однако ирония не всеобъемлющая, ироническому остранению подвергаются не все мотивы, составляющие лирический сюжет. Сохраняется жанровая форма диалога, при этом переставляются персонажи и повествователь – сам философ в стихотворении Стратановского становится участником диалога, а Еродий появляется только в конце как божественный певец, поэт, запечатлевающий особую мудрость Сковороды: «И тебе сплетет венец / Божий птах Еродий» [Там же. С. 106].

В прямой речи персонажа Сковороды имитируется его способ философствования (притчевость, примеры, символизм, уподобление, вопрошание): «Говорил сосуд с мочой / Доброму сосуду: / Я сияю, золотой, / Уподоблен чуду. / Говорил Мельхиседек, / Старец иудейской, / Что подобен человек / Кому грязи мерзкой. / Говорил казак Петро, / Внук Мельхиседека, / Что тигриное нутро – / Бремя человека. / Дал творению Господь / Благиости излишек. / Отчего ж преступна плоть, / Отвечай мне, Пишек» [Там же. С. 103]. Сковорода-персонаж излагает одно из основных положений учения философа – о двух натурах: видимой, плотской, и невидимой, бессмертной, божественной, в соответствии с которой и должен жить человек. В тексте Стратановского воспроизводится ключевая мысль наследия Г. Сковороды – о мудрости ложной и истинной.

Обезьяна в текстах Григория Сковороды соотносится с ложными мудрецами. Так, в «Дружеском разговоре о душевном мире» имена лжеученых, слепых подражателей, неспособных постичь сущность вещей, явля-

¹ О важности философа для современного поэтического сознания см. в статье С.Ю. Сухановой и П.А. Цыпилёвой: [3].

ются говорящими и происходят от соответствующих греческих и латинских слов: Навал – «плавающий», Сомнас – «сонный», Пификов – «обезьяна», «подражатель». Причем имя обезьяны диалога о Еродии – Пишек – связано с тем же греческим словом, πίθηκος (обезьяна). Афинские мудрецы в «Алфавите» названы обезьянами: «А когда таких беседников (Сократа. – С.С., П.Ц.) не стало в Афинах, тогда источник, наповоющий сад общества, и родник мудрости совсем стал затаскан и забит стадами свинными. Стада сии были сборища обезьян философских, которые, кроме казистой маски (разумей: философскую епанчу и бороду), ничего существенного от истинной мудрости не имели» [4. С. 428].

При устойчивом использовании образа обезьяны / мартышки у Г. Сковороды участники диалога в стихотворении С. Стратановского предстают как лжемудрец (обезьяна Пишек, носитель традиционного представления об образованности и учености) и истинный мудрец (Сковорода, которого традиционные ответы на волнующие его вопросы не устраивают).

В высказываниях Сковороды как персонажа утрируется и в определенном смысле упрощается его представление о природе человека. Так, философ считает, что в самом человеке есть необходимое для счастья и гармоничного существования начало, «господственная натура», «премилосердная мать наша блаженная натура», проблема заключается в том, чтобы отличить ее от «рабской, скотской натуры». Именно с этим связано требование самопознания и самосовершенствования, что составляет одну из важнейших тем произведений философа, и специально ей посвящены первые диалоги, написанные в конце 1760-х – начале 1770-х гг.: «Наркисс. Разглагол о том: узнай себя», «Симфония, нареченная книга Асхань, о познании самого себя».

Сниженное изображение афинского общества в текстах Г. Сковороды, оценка афинян как носителей ложной мудрости, греховность, неспособность видеть истину за вещественной оболочкой воспроизводятся у Стратановского («Вся материя больна», «Пьянство, сытость, блудострасть / Панствуют повсюду»). Грекам присуще вознесение красоты человеческого тела, воплощенной в произведениях искусства (скульптуре, в частности) и заслоняющей идею красоты внутренней, духовной («Чуден мраморный болван, / Обольстителъ греков» (С. Стратановский) – «У них то только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные душки – те их защитники», «Зевали они не мирскую машину, но одну только глинку на ней видели: глинку мерили, глинку считали, глинку существом называли, так как неискусный зритель взирает на картину, погрузив свой телесный взор в одну красочную грязь, но не свой ум в невещественный образ носящего краски рисунок» (Г. Сковорода) [Там же]). Определение афинян «стада свинные» у Стратановского получает форму «афинорожий», «еллины фривольные», «любят фалл / И похабны рожи», «греки-эпикуры» – это характерное для поэзии С. Стратановского снижение и обезличивание.

Сниженная оценка афинян у реального Сковороды сопровождается мыслью о присутствии истинной мудрости в обществе, что воспроизводит-

ся и в словах Пишек Стратановского («В сих олимпянах играл / Божий пламень все же», «О, в навозе сей алмаз, / В черноте паскудной. / Разгреби – и прямо в глаз / Засияет, чудный») и совпадает со строками стихотворения С. Стратановского «Мочащийся пролетарий» (1971) – «Ты лежишь, чернорабочий / Безобразен, темен, груб / И в твоём духовном взоре / Цеци, трубы, человеки» [2. С. 24] и песней алкоголика из стихотворения «Диспут» (1979) – «Господь сказал мне тихо: встань / Иди и пей любую дрянь / С любыми бабами грехи / Пока алмаз твоей души / В ладони Божьей» [Там же. С. 100].

В отличие от Сковороды-персонажа Стратановского, в сознании Г. Сковороды лжемурец отделен от греческих и римских мыслителей. Так, в диалоге «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» Г. Сковорода иронически пишет о человеке, возомнившем себя ученым: «Во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность суть одни только мотыльки, над поверхностью земли летающие, в сравнении нашего высокопарного орла, к неподвижным солнцам возлегающего и все на океане острова пересчитавшего» [4. С. 353]. Г. Сковорода неоднократно цитирует высказывания, приписываемые Сократу и Эпикуру. Так, к словам «Иной живет на то, чтоб есть, а я-де ем на то, чтоб жить» [5. С. 7], «приписываемым Сократу, Сковорода обращался неоднократно, тем самым подчеркивая близость собственного жизненного принципа с практической этикой Сократа...» [Там же. С. 418]. А в «Саду божественных песен» напрямую соотносит Эпикура и Христа: «Так живал афинейский, так живал и еврейский / Эпикур – Христос» [4. С. 68], стремясь соединить в едином этическом учении античные и христианские представления, достичь концептуального философски-религиозного синкретизма, характерного и для современной поэзии¹.

Субъектная организация стихотворения С. Стратановского усложняет высказанное каждым из персонажей: обезьяна Пишек, хор с неба и Еродий

¹ О глубоком знании античного философско-литературного наследия свидетельствуют тексты Г. Сковороды. Например, в сочинении «Авторы, которых следует читать в первую очередь» философ перечисляет Цицерона, Теренция, Плавта, Непота, Вергилия, Горация, Овидия, Клавдиана, ссылается на Сенеку, Эпикура, упоминает Гомера и других античных авторов: «Самым лучшим мастером слова у самих латинян, или римлян, считался Туллий (Цицерон). Из его произведений особенно рекомендую тебе диалоги о дружбе и старости, а также книги об обязанностях, затем речи за Архия, Марцелла, Лигария, Дейотара, а также речи, написанные им против Катилины. Из них ты почерпнешь ту чистую и незапятнанную легкость и изящество латинской речи, которая составляет основу ясного и правильного стиля. Тому же будет способствовать и усердное чтение Теренция, Плавта, Непота и Цезаря, у которых отсутствует всякое излишество речи и напыщенность. Немного далее: выдели его (Персия) и произведения Вергилия, Горация, Овидия. Из их числа нельзя исключить и Клавдиана, красноречивейшего и приятнейшего поэта, из стихотворений которого ты, несомненно, извлечешь большую пользу для всех родов литературы и для всякого другого предмета. Поэтому не забудь хранить его в сердце, в глазах, а еще лучше в душе и памяти и, насколько возможно, следовать его примеру» [5. С. 345–346].

(персонажи диалога Г. Сковороды, плод его сознания) и Сковорода-персонаж стихотворения С. Стратановского являются двойниками реального философа в лирическом сюжете стихотворения, имитируя зеркала, создающие множественный образ видимой природы. Г. Сковорода использует этот образ в «Диалоге, или Разглаголе о древнем мире», рассуждая о многоликости человеческой природы: «...вели поставит вокруг себя сотню зеркал. И увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, зависящих от него. А как только отнять зеркала, вдруг все копии скрываются в своей исконности» [4. С. 301].

Стратановский намеренно, как нам кажется, приписывает Сковороде-персонажу оценки, присущие в работах Сковороды его предполагаемым оппонентам, поэтому Обезьяна Пишек называет его «носорогом школьным» и призывает не грозить сковородой «еллинам фривольным», тем самым в оценках, аксиологически Пишек и Сковорода меняются местами, поддерживая иронический модус диалога. Пафос диалога – трудность поиска истины: «Ах, маргышечка моя, / Дорогая Пишек, / Есть в проблемах бытия / Черных дыр излишек. / Не заткнет старик Сократ / Грецкими словами. / Ах, премудрость – страшный сад / С черными плодами» [2. С. 105].

Их дискуссию заключает Хор с неба, который утверждает бессмысленность разумного поиска истины иначе, чем сделав этот поиск своей жизнью и способом существования: «Празден разума вопрос / Чушь – дела земные / Перед тем, что спас Христос / Атомы большие. / Не ищи, Сковорода, / Мудрости сосуды, / Стань юродом навсегда, / Обличая уды. / Будь в немудрости мудрец, / Просияй в народе, / И тебе сплетет венец / Божий птах Еродий» [Там же. С. 105–106].

Мысль о тщетности поиска истины повторяется и в стихотворении С. Стратановского «Диспут» (1979), построенном по той же модели диалога, развязкой которого являются слова председательствующего: «Увы, нам истина не светит / Она пугливей, чем испуг / И как библейский скорбный ветер / Спор возвращается на круг» [Там же. С. 102].

В «Диалоге...» С. Стратановского находят воплощение основные идеи философии Григория Сковороды: интериоризм – придание ценности «внутреннему» при абсолютном обесценивании «внешнего» («Говорил сосуд с мочой / Доброму сосуду: / Я сияю, золотой, / Уподоблен чуду»), преступность, греховность плоти («Ева оному виной. / Страшен мир двупольный. / Происходит грех земной / От прабабы голой», «подобен человек / Кому грязи мерзкой», «тигриное нутро – / Бремя человека»), «об отвержении светских мнений», «о чтении в меру» и «чтении в пользу душевную» («премудрость – страшный сад / С черными плодами»), об истинной мудрости («Будь в немудрости мудрец») и духовности, соотносимой с внутренним содержанием человека («Как черна сковорода / С белыми блинами, / Черен мир – но не беда, / Божья правда с нами»).

С. Стратановский, вновь обращаясь к образу Г. Сковороды, говорит о тех же смыслах, что и в «Диалоге...», но уже без иронии – в стихотворении «Григорию Сковороде...». Лирическим сюжетом этого стихотворения яв-

ляется вопрос, который остается без ответа, вернее, оставлен без ответа намеренно как знак бессмысленности поиска истины: «А если б встретились? / Ну, где-нибудь в корчме? / И спор затеяли? / Что? Поняли б друг друга?» [6]. В этом стихотворении намечен еще один аспект интерпретации наследия Г. Сковороды, отчасти объясняющий интерес к нему в поэзии второй половины XX в., – сопоставление с хасидизмом, к которому С. Стратановский обращается также в стихотворениях «Диспут» (1979) и «Хасидизм» (1982).

Мысль, объединяющая хасидизм и учение Г. Сковороды, – ценность и духовность внутреннего содержания человека при преступности и греховности плоти: «...хасидизм показывает людям путь к богу, обитающему вместе с ними “посреди их нечистот”, путь, который может начаться при любом искушении, даже при любом грехе <...> дает возможность проявиться божественному образу, искре Божией, горящей внутри всех существ» [7. С. 27]. Однако при общности взглядов С. Стратановский акцентирует отличие учения Г. Сковороды от хасидизма.

Стратановский обращается к религиозно-мистическому движению хасидов, возникшему в конце 30-х гг. XVIII в. в Подолии благодаря чудотворцу, каббалисту-целителю Исраэлю бен Элизеру (ок. 1700–1769), прозванному Баал-Шем-Тов. Целью жизни человека Баал-Шем-Тов называет служение Богу, состоящему в слиянии с ним путем познания самого себя как проявления Божества, открытия божественной тайны с помощью молитвы и мистического соблюдения заповедей. Преемником Баал-Шем-Това стал его ближайший ученик – Великий Маггид, детально разработавший теоретическое учение хасидизма, в основе которого лежит концепция рассеянных повсюду божественных «искр». «В соответствии с каббалистическим учением Лурии, высшей целью творения считается процесс «исправления» мира (тиккун), то есть извлечения этих «искр» из их земных «оболочек» (клиппот) и постепенное вознесение их к Первоисточнику, вплоть до установления полного единства между Творцом и творением» [Там же. С. 9]. Основными идеями учения хасидов XVIII в. служат следующие положения: 1) весь мир образовался из божества и есть его проявление; 2) зло – это форма проявления Бога в мире, самостоятельно зла не существует; 3) цель земного пути человека – обнаружение в себе божественной природы, божественных «искр»; 4) праведник (цадик) спасает самых великих грешников, благодаря единению с Богом служит посредником между миром и Богом, «каналом», через который изливается на землю Божья Милость [Там же. С. 8–9].

В стихотворении «Хасидизм» («Баал-шем-тов, твои ученики...», 1982) С. Стратановский описывает путь последователей Бешта и проявление божественного в земной жизни, ведущее к очищению мира («Уж виленский раввин строчил на них донос / И старцы хмурились в дремучей укоризне / Но сам Господь входил в зеленый гвалт берез / В вино сапожников, в живые буквы жизни» [2. С. 117]).

И хасиды, и Григорий Сковорода изображаются Стратановским странниками («Баал-шем-тов, твои ученики / по жалостной земле, / по плачущей

Волыни / В дырявых башмаках / шли от корчмы к корчме / Чтоб грубым корчмарям, / торгующим горилкой / И чтущим лунное талмуда серебро / Сказать об искорках / простой и легкой веры» («Хасидизм») [2. С. 117], «Григорию Сковороде / Господню старчику, / что странствовал в то время / От города к селу / и от корчмы к корчме» [6]), так как способ их существования – это поиск истины: «Тот, кто говорит о земных или религиозных вопросах так, словно они ему совершенно понятны, – еретик» [8. С. 21], при том, что и сама истина – вечный странник: «Что означают слова людей, что Истина шествует по всему миру? / Они означают, что она не стоит на месте, что она – вечный странник» [Там же. С. 22]. Однако истина Григория Сковороды отличается от истины хасидской, основанной на «простой и легкой вере». Вера в бога, его присутствие в повседневной жизни человека, разлитость повсюду божественных искр не подвергается хасидами сомнению, в то время как Григорий Сковорода, веря в истинную, божественную природу человека, разрабатывает сложное философское учение, обращаясь к опыту предшественников. Подход хасидов иной: «В хасидской литературе собрано множество историй о простых истинно верующих людях, не ломавших себе головы над Талмудом» [9. С. 75]. Кроме того, Григорий Сковорода признает существование в мире зла, хасиды изображают зло как обратную сторону добра, зло и добро для них имеют одну природу («Зло есть подножие добра» [8. С. 20]). Так, если хасидизм – это основанное на вере учение, религия, то учение Сковороды – сложная философская система, вобравшая в себя богатый опыт предшествующих эпох. Сковорода опирался на познание, достижения науки, был передовым мыслителем своего времени. Вопрос Стратановского «А если б встретились? / Ну, где-нибудь в корчме? / И спор затеяли? / Что? Поняли б друг друга?» [6] можно прочесть двояко: как вечный поиск истины и, следовательно, невозможность ответить либо как отрицание диалога между Сковородой и хасидами вследствие расхождения во взглядах.

Если Г. Сковорода провозглашает торжество духа над греховной плотью, дающее возможность познать в себе истинного человека и уразуметь Бога, однозначно описывает людские пороки и добродетели как противоположные категории («Может ли тлень стоять всегда, то есть вечно? Может ли недостойное честным быть, а тьма светом и зло добром?.. Все то идол, что видимое. Все то бесчестное, что тленное. Все то тьма и смерть, что преходящее...» [4. С. 138]), то в поэзии С. Стратановского синкретизм проявляется и во взгляде на строго разделяемые Сковородой категории (тело и душа, материальное и идеальное, грех и добродетель).

На более поздних этапах творчества С. Стратановского, в сборнике «Тьма дневная» (2000), возникает синкретичный образ душевного тела как места рождения боли, позже проникающей в тело физическое¹: «Из ду-

¹ Поэтические тексты С. Стратановского пронизаны двойственностью вещей и явлений, человека, городского пространства (подробнее об этом см. в статье П.А. Цыпиловой: [10]).

шевного тела / во внешнее, в кожу одетое / В кровь его, в мясо, / в позвоночник его и кишечник / Боль перешла и терзает» [11. С. 143]. Вечная, истинная и божественная душа Сквороды у Стратановского оказывается источником скорби, тоски, смерти (сквозные мотивы сборника «Тьма дневная»), а Бог выступает главным носителем знания о душевной, переходящей в телесную боли: «Только Незримый и знает / отчего и зачем эта боль... / Что она? Знак? Наказанье? / Напоминанье о вечной / Мировой червоточине?» [Там же]. Истинное, божественное меняет свою природу и становится страшным для познания («С болью наедине / С Богом наедине / Страшно остаться мне / Зверю Его охот / Рыбе Его тенет» [Там же. С. 115]). Меняется не только взгляд на дар и судьбу поэта-пророка, но и предназначение поэзии: на смену морально-дидактической позиции субъекта высказывания, присущей текстам Сквороды, в текстах Стратановского приходит намеренное умножение концепций, неоднозначная их оценка лирическим сознанием, объективированным в персонажах (хор с неба, председательствующий), а также представление о жизни и творческом пути поэта как единственной возможности поиска истины, цена которого страдание, боль и смерть («...и вдруг, пораженный, упал / И увидел свет истинный...» [Там же. С. 159]).

Таким образом, обращение к личности и творчеству Григория Сквороды в поэзии С. Стратановского обусловлено синкретичностью представлений о мире как украинского философа, так и современного поэта. Поиск истины как образ жизни Григория Сквороды (и хасидов), вера в Бога, сущность и существование, скрытое за вещественной формой сакральное содержание, божественная и тварная природа предметов и явлений способствуют обращению к личности и наследию Григория Сквороды, а в сопоставлении с хасидизмом подчеркивается как глубина и всеобъемлющий характер философского учения украинского философа, так и равные основания претензий всех концепций на истину при одновременной их беспомощности в попытке ее достижения, т.е. неверие в возможность прорыва к трансцендентной реальности в ситуации гносеологического тупика.

Литература

1. *Стратановский С.* Семидесятые – преодоление страха // *Enthymema*. XII. 2015. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/download/4952/5014> (дата обращения: 25.06.2018).
2. *Стратановский С.* Стихи. СПб. : Ассоциация «Новая литература», 1993. 128 с.
3. *Суханова С.Ю., Цытлѣва П.А.* Философско-поэтическое переживание мира как элемент славянского художественного сознания: Скворода и Драгомощенко // *Русин*. 2015. № 3 (41). С. 144–152.
4. *Скворода Г.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 1. 511 с.
5. *Скворода Г.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 2. 486 с.
6. *Стратановский С.* Арион. 2010. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2010/1/ss6.html> (дата обращения: 27.06.2018).
7. *Бубер М.* Хасидские предания. Первые наставники / пер. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит. М. : Республика, 1997. 335 с.

8. *Хасидская мудрость* / сост. В.В. Лавский. М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Изд. центр «МарТ», 2007. 256 с.
9. *Лифинцева Т.П.* Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. 133 с.
10. *Цыпилёва П.А.* Античные мифологемы и современный контекст: структурный принцип поэтики С. Стратановского // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сб. материалов II (XVI) Междунар. конф. молодых учёных, Томск, 9–11 апреля 2015 г. Томск, 2015. Вып. 16. С. 300–304.
11. *Стратановский С.* Тьма дневная. М. : Новое лит. обозрение, 2000. 181 с.

Reception of Gregory Skovoroda's Heritage in Sergey Stratanovsky's Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 233–242. DOI: 10.17223/19986645/59/14

Sofya Yu. Sukhanova, Polina A. Tsybilyova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suhanova_sofya@mail.ru / anilopa87@mail.ru

Keywords: modern Russian poetry, reception, postmodernism, Sergey Stratanovsky, Gregory Skovoroda, Slavic philosophy, symbolical reality, Hasidism.

The aim of the article is to identify the ideological, philosophical and axiological reasons for Sergey Stratanovsky's address to the personality and creativity of Gregory Skovoroda. The material for the article is Stratanovsky's poems "God" (1968–1972), "Dispute" (1979), "Dialogue between Gregory Skovoroda and the Pisa Monkey" (1979), "Hasidism" ("Baal-shev-tov, your students . . .", 1982) and "Gregory Skovoroda . . .". The article uses methods of interpreting the text with the involvement of external contexts (historical-philosophical, literary-aesthetic) and methods of immanent, comparative- historical and comparative-typological analysis. Stratanovsky's "God" presents an unequivocal interpretation of the divine essence as emptiness. In the later poem "Dispute", the poet departs from the unequivocal interpretation of the divine, constructs an interconfessional dialogue, confronts contrasting positions. In the poem "Dialogue between Gregory Skovoroda and the Pisa Monkey", Skovoroda's dialogue "Grateful Erodius" is interpreted ironically, reminiscences from other works of the philosopher are obvious. The main ideas of Skovoroda's philosophy are embodied in the poem: interiorism, the sinfulness of the flesh, "rejection of secular opinions", "reading in moderation" and "reading in favor of the soul", true wisdom and spirituality. In the poem "Gregory Skovoroda . . .", the heritage of the philosopher is compared with Hasidism, to which Stratanovsky also appeals in the poems "Dispute" and "Hasidism". If Hasidism is a faith-based teaching, religion, then Skovoroda's teaching is a complex philosophical system which absorbed the rich experience of the previous eras. The evolution of Stratanovsky's views on the nature of man, of God and of truth, is embodied in the collection *The Darkness of the Day* (2000). The true and the divine change nature and become scary for knowledge, the life and creative way of the poet are presented as the only way to search for truth, the price of which is suffering, pain and death. The appeal to the personality and creativity of Skovoroda in Stratanovsky's poetry is due to the syncretism of their ideas about the world. The search for truth as a way of life of Gregory Skovoroda (and Hasidim), faith in God, essence and existence, hidden behind the real form of sacral content, the divine and created nature of objects and phenomena contribute to the appeal to Skovoroda's personality and heritage. A comparison with Hasidism is emphasized as the depth and comprehensive nature of the philosophical doctrine of the Ukrainian philosopher. All concepts have an equal basis for truth claims, which means disbelief in the possibility of a breakthrough to a transcendental reality in a situation of epistemological impasse.

References

1. Stratanovskiy, S. (2015) Semidesyatye – preodolenie strakha [The Seventies: Overcoming fear]. *Enthymema*. XII. [Online] Available from: <https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/download/4952/5014>. (Accessed: 25.06.2018).

2. Stratanovskiy, S. (1993) *Stikhi* [Poems]. St. Petersburg: Assotsiatsiya “Novaya literatura”.
3. Sukhanova, S.Yu. & Tsypliyova, P.A. (2015) Philosophical and poetic experience of the world as part of the Slavic artistic consciousness: Skovoroda and Dragomoshchenko. *Rusin*. 3 (41). pp. 144–152. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/10
4. Skovoroda, G. (1973) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl’.
5. Skovoroda, G. (1973) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
6. Stratanovskiy, S. (2010) *Arion*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/arion/2010/1/ss6.html>. (Accessed: 27.06.2018).
7. Buber, M. (1997) *Khasidskie predaniya. Pervye nastavniki* [Tales of the Hasidim: The Early Masters]. Translated from English. Moscow: Respublika.
8. Lavskiy, V.V. (2007) *Khasidskaya mudrost’* [Hasidic wisdom]. Moscow: IKTs “MarT”; Rostov-on-Don: Izd. tsentr “MarT”.
9. Lifintseva, T.P. (1999) *Filosofiya dialoga Martina Bubera* [Martin Buber’s philosophy of dialogue]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
10. Tsypliyova, P.A. (2015) [Ancient myths and the modern context: the structural principle of the poetics of S. Stratanovsky]. *Aktual’nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki* [Topical issues of literary studies and linguistics]. Proceedings of the II (XVI) International Conference. Tomsk. 9–11 April 2015. Is. 16. Tomsk: Tomsk State University. pp. 300–304. (In Russian).
11. Stratanovskiy, S. (2000) *T’ma dnevnaya* [The Darkness of the Day]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.